Отец Демьян Кудрявцев

НА ГЛАВНЫЙ ЖЕНСКИЙ ВОПРОС, ЗАДАННЫЙ ХАНОЙ БРАТУ ОТ ИМЕНИ ЕГО БУДУЩЕЙ ЖЕНЫ, БРИГАДА НЕИЗВЕСТНОГО ДЭУ ОТВЕЧАЕТ ГРОХОТОМ ОТБОЙНЫХ МОЛОТКОВ

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ремонт, и мы идем по перекопанной мостовой, а мотоциклисты обгоняют нас по уцелевшему тротуару.

— Я вот мечтаю,— говорит Яша. И замолкает на полквартала, показывая, что это он не вообще мечтает, а вот в данную минуту, пока на улице тихо, и чтобы мы не шумели тоже.

— Что когда я вырасту,— как будто оговаривается он, добавляя в мечту рассудительности и реализма,— то ты, папа, подаришь мне мотоцикл!

Хана качает головой, раздосадованная предсказуемостью и мальчиковостью Яшиных желаний.

— Когда ты вырастешь, ты сам заработаешь денег и сам купишь себе мотоцикл.

Яша закрывает рот и пробует эту идею сначала на вкус, потом на шепот, она ему, очевидно, нравится, и, прыгая с выступа на отвал разломанного асфальта, он уже вслух уточняет:

— Красный! На нем я приеду к тебе в гости,— и с высоты грядущего мотоцикла прикручивает с усмешкой: — дорогая сестра.

Некоторое время мы идем молча, но я слышу, что работа мечты внутри Яши не прекратилась, а будто уперлась во что-то.

— Хана!

— А?

— А когда я вырасту, ты где будешь жить?

Я почти не сомневаюсь, что сейчас будет выбрана любая недосягаемая для мотоциклов точка, например остров. Сахалин, Австралия, Мадагаскар — мы с Ханой как раз недавно изучали географию ссылок, но нет, честность берет верх, и она говорит: «За городом». Яша благодарно кивает, ага, за городом — это ясно, это значит, что туда надо будет ехать в гости, ведь он сам же не будет жить за городом, и туда можно будет доехать вот именно на мотоцикле.

— Когда Яша вырастет,— такая конструкция дает Хане удобную внешнюю меру и не требует обсуждения при ребенке, выросла ли уже она сама,— я буду жить за городом, много работать и у меня будет двое детей — девочки-близняшки.

И не успел я задуматься, с кого же конкретно взята такая в целом распространенная ролевая модель, как Яша отвлекся от мотоцикла, детская зависть взяла в нем верх.

— А у меня трое! Два мальчика и маленький мальчик,— добавил он, невольно попав в анекдотный штамп, но не спровоцировав сестру на спор, потому что три мальчика, с ее точки зрения, это не больше, а хуже двух девочек, особенно близнецов. И только чтобы его поддеть, Хана спросила:

— А как же у тебя будут три мальчика без жены?

Защищая от Ханиного сарказма две главные ценности — «вырасту» и «мотоцикл»,— Яша с легкостью сдает фронты.

— А у меня будет жена! — кричит он наперекор принципам и шуму дорожных работ.

— Какая? — не отпускает Хана. Яша морщится, как во сне, когда я включаю не музыку, чтобы его будить, а верхнюю лампу, и пытается не ответить, но Хана повторяет вопрос, как раз когда Яша уже поравнялся с ремонтной бригадой и те на минуту перестали шуметь, так что у него не остается другого выхода, кроме как ей ответить.

— Так какая у тебя будет жена, Яша?

— Хорошая! Только я буду выше ее! — Рабочие улыбаются.

— А ты будешь ее любить? — так в какой-то японской борьбе противника не кладут на лопатки, а выталкивают за пределы ковра, на котором он чувствует себя уверенно. Но Яков рассчитывает на поддержку зала: сначала он смотрит на меня — поддержки нет, переводит взгляд под оранжевые каски строителей — и те его понимают. На главный женский вопрос, заданный Ханой брату от имени его будущей жены, бригада неизвестного ДЭУ отвечает грохотом отбойных молотков. И Хана почти успевает обидеться, но вдали появляются первые одноклассники. Быстро пожав мне рукав (за лето Хана вошла в тот возраст, когда публичные поцелуи уже и еще не в моде) и как бы забыв посмотреть на Яшу, она бежит навстречу к ним, а мы с Яшей идем гулять, есть мороженое к бульварам.

Яша держит меня за руку, но как в собеседнике во мне уже не нуждается. Он ведет за нас обоих легко предсказуемый диалог, и я не вслушиваюсь в него, временами кивая головой на «Правда?», выбирая повороты потише, но посложней, чтобы он запомнил это короткое предосеннее время, эту прячущуюся по задворкам доофисную Москву.

— Когда я вырасту, я куплю себе мотоцикл, а тебе, папа, велосипед. Чтобы ты мог ездить. Чтобы тебе не было скучно. Потому что если когда скучно...

Сам я, как муравей, ползущий против движения по радуге вращающегося волчка, расчерченным зрением ленинградца так и не смог привыкнуть к движению по радиальным и кольцевым, так что мы выныриваем в совсем неизвестном месте, куда можно доехать только на мотоцикле времени, в высокий, не испорченный стеклопакетами двор, посреди которого белеет пикет молодых берез и старое дерево нависает над деревянной скамьей и большим жестяным столом, за какими раньше мои соседи играли в разные черно-белые игры, а теперь чужие соседи пьют желтое на просвет и за ними скрипит пустая некрашеная качель. К обкрошившейся в пыль штукатурке ЖЭКа прислонилась гордая «Украина» с никелированным звонком, и собака, не раскрывая пасти, гоняет обленившихся голубей.

— Люди пьют пиво за любовь! Папа, ты же не любишь пиво? А я побегу качаться? А можно я побегу качаться? Здесь не скучно, правда? А это — велосипед. Ты умеешь кататься на велосипеде? Ты иди, пока научись кататься. Встречаемся тут.